

INSPIRIA

ИСТОРИЯ

АРТУРА

ТРУЛАВА

ЭЛИЗАБЕТ БЕРГ

INSPIRIA

Novel. Живые, смешные, неловкие люди Элизабет Берг

Элизабет Берг

История Артура Трулава

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Берг Э.

История Артура Трулава / Э. Берг — «Эксмо», 2017 — (Novel.
Живые, смешные, неловкие люди Элизабет Берг)

ISBN 978-5-04-157433-8

Артуру Мозесу 85 лет. Он поливает цветы, гладит кота и ухаживает за могилой жены. Мэдди Харрис молода и прекрасна. Она мечтает поступить в колледж искусств, но частенько сбегает с уроков на кладбище, где прячется от всего мира. Судьба сведет две одинокие души, положив начало удивительной дружбе. Ведь так иногда важно, чтобы кто-нибудь сказал: «Все будет хорошо. Я рядом». Для любителей Фэнни Флэгг и Фредрика Бакмана. Теплый, добрый, светлый роман, который подарит вам те самые ощущения, которых ждешь от большой кружки какао с ванильным маршмеллоу. Роман-побег от сложного времени больших перемен. Эта добрая и светлая история о любви и дружбе получилась совсем не приторной — все в ней идеально выверено. Берг создает ярких, живых, настоящий героев, которые влюбляют в себя с первых страниц. Они могут быть совсем не похожи на вас, но кажутся такими знакомыми и родными. «История Артура Трулава» вновь напоминает нам, что жизнь прекрасна и в каждом дне есть что-то хорошее. А еще есть судьбоносные встречи с людьми, которые тебя поддержат, дадут дельный совет, угостят апельсиновым печеньем или просто помолчат рядом. «Я все время видела перед собой образ старика, сидящего на маленьком складном стуле у могилы жены. Я хотела знать: кто этот человек и какой была его жизнь. Я чувствовала, что он многому может меня научить, и я не ошиблась». — Элизабет Берг

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-157433-8

© Берг Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Элизабет Берг

История Артура Трулава

Elizabeth Berg
The Story of Arthur Truluv

Copyright © 2017 by Elizabeth Berg

Фото автора © Teresa Crawford

© Пузанов А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящаю моим дочерям Джули Крициман и Дженифер Берте

Мы все знаем: существует что-то вечное. И это не дома, не названия, и не земля, и даже не звезды... Каждый в глубине души чувствует, что есть что-то вечное, и это вечное как-то связано с человеком.

Торнтон Уайлдер «Наш городок»¹

*Долг честно отправляй – в том наша честь прямая.
Александр Поуп «Опыт о человеке»²*

Вот уже полгода с того ноябрьского дня, когда похоронили Нолу, его жену, Артур Мозес ежедневно приходит обедать с ней. Он доезжает до кладбища на автобусе и не спеша идет к месту ее последнего упокоения. Торопиться некуда – она будет ждать мужа там, когда бы он ни появился. Ныне, и присно, и вовеки веков.

Сегодня Артур задерживается у надгробия Аделаиды Марш – за два ряда от Нолы, в десятке могил в сторону. Родилась 3 апреля 1897-го, умерла 18 ноября 1929-го. Он медленно подсчитывает в уме. Тридцать два года. На всякий случай перепроверяет – было бы нехорошо ошибиться, стоя здесь, рядом с местом последнего упокоения. Артуру всегда с трудом давались вычисления, даже на бумаге, – можно сказать, математический кретинизм. Счетами обычно занималась Нола. Теперь приходится самому. Во всяком случае, Артур пытается: достает свой огромный калькулятор и изо всех сил старается сосредоточиться – даже радио не включает, – но в большинстве случаев все равно получаются какие-то совершенно невероятные, астрономические суммы. Иногда обращается в банк, там помогают, но неудобно им надоедать, и каждый раз не находишься. Нола всегда говорила, что у каждого свои таланты, и была права. Что хорошо удается Артуру, так это работать на земле. До выхода на пенсию много лет назад он трудился смотрителем в парках и до сих пор выращивает розы в садике перед домом. Огород на заднем дворе, правда, уже забросил...

Однако все верно: Аделаиде Марш было всего тридцать два, когда она скончалась. Не совсем юная, не ребенок, от вида чьей могилы щемит сердце, но и до старости ей оставалось еще долго. На середине пути – вот правильные слова. Жила, растила детей (на памятнике надпись «Возлюбленная мать»), и вдруг – что? Умерла, это понятно, но из-за чего? При родах,

¹ Перевод Ю. Родман. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Перевод Н. Поповского.

возможно? Артуру кажется, что она до самого конца всю себя отдавала семье, здоровая и жизнерадостная, и стала жертвой какого-то трагического происшествия или внезапной болезни. Еще он думает, что у нее были ярко-рыжие волосы и, как она их ни укладывала, отдельные прядки выбивались, обрамляя лицо, и ей самой, и ее мужу так даже больше нравилось. Артур просто знает это, и всё.

Последнее время такое случается чаще и чаще. Когда он стоит рядом с могилой со шляпой в руках, часть чужой жизненной истории доносится до него, как запах хлеба из пекарни, мимо которой Артур проходит каждый день по пути на автобусную остановку. Глядя на слегка просевшую землю на могиле Аделаиды, он видит ее любимое кружевное белое платье и глаза, один чуть больше другого, со светло-светло-карими, почти желтыми радужками. Цвета слабо заваренного чая. Слышит ее голос, высокий и чистый. Иногда она пела мужу – стесняясь, поздно вечером, когда они ложились спать. В свою последнюю ночь на земле она пела ему «Жаннин, в моих мечтах цветет сирень»³.

Еще кое-что: от матери Аделаиде досталось крохотное обручальное колечко с бриллиантом, которое она носила на золотой цепочке на шее: на палец оно не налезало, и к тому же так ближе к сердцу. Руки у женщины покраснели от частой стирки, спина, постоянно склоненная над корытом, в котором Аделаида купала детей, ныла, но она ни за что бы не позволила никому другому делать это за нее. Ей нравилось видеть их мокрыми, с прилипшими к голове кудряшками и разрумьянившимися щечками. И можно было, как в младенчестве, брать их на руки и прижимать к себе, когда они выбирались из воды в развернутое перед ними, словно крылья огромной птицы, голубое полотенце... Нет, не голубое. А какое?.. Какого цвета оно было?..

Увы. На сегодня, кажется, все. Больше Артур ничего не видит. Он надевает шляпу, слегка касается ее в знак прощания и идет дальше, мимо других надгробий. Хорас Ньютон, Эстель МакНейл, Ирэн Сагтер, Эймос Хаммер...

Добравшись до могилы Нолы, Артур ставит складной стул и с опаской присаживается. Ножки неглубоко уходят в землю. Осторожно подвигавшись и убедившись, что стул стоит надежно, Артур раскладывает на коленях еду. Сегодня на обед у него сэндвич с яичным салатом – настоящие яйца, настоящий майонез, и к черту доктора с его правильным питанием! Вдобавок щедрая щепотка соли – гулять так гулять!

Обычно лечащий врач сразу замечает отклонения от диеты, но все же не всегда. Однажды Артур съел целый яблочный пирог с ванильным мороженым и на следующий день, придя на прием, услышал: «Вы движетесь в верном направлении! Продолжайте и дальше в том же духе – справите вековой юбилей!»

Артуру восемьдесят пять, и, пожалуй, он действительно не прочь дожить до ста лет, пусть даже без Нолы. Хотя без нее, конечно, все не так. Совсем не так. Вот он смотрит сейчас на махровые нарциссы у соседнего надгробия – даже в этом теперь, когда ее нет, чего-то не хватает.

С наступлением весны земля постепенно оттаивает, почки на деревьях – словно женщины на сносях. Артур хотел бы, чтобы Нола тоже возрождалась снова и снова. Даже если они не будут вместе – лишь бы она жила где-то в этом мире. Пусть бы она вновь появилась на свет в какой-нибудь семье далеко-далеко отсюда, пусть бы они вообще никогда не увиделись – только бы знать, что Нола Коррин, Королева Красоты, вернулась туда, где должна быть. Там, где она сейчас – где бы это ни было, – ей не место.

Каркает ворона, и Артур оглядывается в поисках птицы. Та сидит на надгробии в нескольких шагах и чистит перышки.

– Кар! – отзывается он, радуясь и такой беседе, но ворона улетает.

³ Песня из фильма 1928 года «Время сирени».

Задрав голову, он смотрит в безоблачное, почти бирюзовое сегодня небо. Поднимает руку и разминает шею и затылок. Массаж приятен. Артур оглядывается: он один на огромном кладбище – будто владеет этим местом. Он ощущает себя богачом.

Артур откусывает от сэндвича, потом вдруг сползает со стула и опускается на колени у надгробия Нолы, прижав к нему ладонь и закрыв глаза. Немного поплавав, снова садится и доедает свой обед.

Встав, Артур складывает стул и уже собирается идти, когда замечает сидящую на земле, спиной к дереву, девушку. Торчащие темные волосы, бледная кожа, большие глаза... Джинсы порваны, как сейчас модно у молодежи, футболка висит, словно на вешалке. Вообще-то не помешало бы накинуть пальто или хотя бы свитер – не так уж сегодня и тепло. И почему не в школе?

Артур уже не первый раз видит эту худышку. Она каждый раз сидит у разных могил, никогда у одной и той же. На него не смотрит, уставилась прямо перед собой и с отсутствующим видом грызет ногти. Сколько ей – четырнадцать, пятнадцать? Он решает помахать ей, но она, заметив его, прижимает ладонь ко рту, словно в испуге. Кажется, она готова вот-вот вскочить и убежать. Не желая ее тревожить, Артур разворачивается и уходит.

Мэдди была словно в полусне, когда почувствовала на себе взгляд старика и увидела, как тот машет ей. Ее ладонь произвольно поднялась к губам, и он, поспешно отвернувшись, зашаркал к выходу, неся свой складной стульчик. Не хотелось бы, чтобы старик думал, будто испугал ее. Это вышло случайно. При следующей встрече надо будет спросить, кто у него здесь похоронен. Жена, скорее всего, но кто знает...

Мэдди смотрит ему вслед: фигурка все уменьшается с расстоянием. Вот он доходит до остановки и замирает, глядя прямо перед собой – не тянет шею, высматривая автобус. Такой не будет в нетерпении долбить по кнопке лифта, приходит в голову Мэдди, – просто станет спокойно ждать.

Достав телефон, она снимает крупным планом пучок травы, кору дерева... Развязав шнурки, стаскивает кроссовки, кладет набок и тоже фотографирует. Доходит до ближайшего надгробия и щелкает увядшие лилии на могиле – сердцевину цветка: изящно изогнутые тычинки, прямой пестик...

Смотрит на часы – 13.40. Дождаться здесь конца занятий, потом можно домой. Вечером они встретятся с Андерсоном, когда у того закончится смена. Он такой красивый, что просто ни одной мысли в голове не остается. Они познакомились в «Уолмарте», он там работает на складе. Мэдди шла к выходу, а Андерсон как раз появился из туалета, улыбнулся и спросил – уж не Кэти Пэрри ли перед ним? Можно подумать, они с ней похожи! Мэдди улыбнулась в ответ, и он пригласил ее съесть по хот-догу. Она немного испугалась, но все же согласилась. За едой они перекинулись буквально парой слов, но договорились встретиться еще раз тем же вечером. И вот уже три месяца вместе. Ей, правда, не так уж много известно о своем парне: служил в армии, любит собак, немного играет на гитаре... Однажды он принес ей подарок – жемчужину на золотой цепочке, которую Мэдди с тех пор не снимает.

Она немного сползает по стволу дерева, к которому прислонилась спиной, и, разведя колени, наводит камеру телефона на надгробия между ними. Щелк.

Большинство людей считают кладбище тоскливым местом. Мэдди же чувствует себя тут умиротворенно. Она предпочла бы, чтобы маму похоронили здесь, а не кремировали. Как-то по радио один парень сказал, что города мертвых на самом деле полны жизни, и это прозвучало очень верно. Да, так оно и есть!

На последнем свидании с Андерсоном Мэдди попыталась заговорить об этом. Они были в почти пустом «Макдоналдсе», и она вполголоса рассказала о старике, которого постоянно встречает на кладбище, о том, как он разговаривает с мертвыми. О словах парня с радио.

Об умиротворении, которое чувствует там, среди усопших. Она считает кладбище чудесным местом. А что Андерсон думает?

– По-моему, ты просто чокнутая, – ответил он.

На нее будто дохнуло холодом. На несколько мгновений она оцепенела, глядя, как ее парень жует картошку фри, потом принужденно рассмеялась.

– Да, наверное. Можно я возьму одну штучку?

– Купи себе порцию, если хочешь, – откликнулся он, кинув на стол пару долларовых купюр.

Однако все же было еще подаренное ожерелье. И письмо с коротким стишком, присланное вскоре после их первой встречи: «Когда ты эти строчки прочитаешь, поймешь, как мне тебя уж не хватает». А в другой раз Андерсон покрыв Мэдди поцелуями, от макушки до пяток, не отрывая губ, спускаясь все ниже и ниже... От одного воспоминания на следующий день, за ужином, мурашки побежали по коже.

– Ешь уже, – буркнул отец.

Это был тот редкий случай, когда он удостоил Мэдди хоть словом. Обычно они ужинали молча. Оба знали, что задавать вопросы – себе дороже: в ответ не услышишь ничего хорошего. «Что нового на работе, папа?» – «Все как обычно». – «Как дела в школе, Мэдди?» – «Да так». – «Нравится курица?» – «Ничего». – «Может, включим «Игру престолов» вечером?» – «Смотри сам, если хочешь».

Снова взглянув на часы, Мэдди поднимается и идет на поиски другого местечка, где можно скоротать время.

Вернувшись домой, Артур достает из ящика почту и несет разбирать в кухню. В итоге все отправляется в мусорное ведро – ничего полезного, одна макулатура. Только зря тратил на нее остатки зрения. Наливает себе из кофейника на плите холодного кофе, садится, скрестив длинные ноги, и потягивает из кружки. Они с Нолой постоянно его пили, с утра до вечера. Артур вдруг замирает посреди глотка – уж не это ли и свело ее в могилу? Врачи ведь как-то предупреждали о переизбытке кофеина...

Закончив, старик споласкивает кружку и ставит вверх дном на сушилку. Он всегда пользуется одной и той же, коричневой с зеленой полоской. Для кофе, воды, иногда капельки виски, даже для слабительного. Жена любила разнообразие, а Артуру, в общем-то, все равно, из чего пить или что носить. Было бы удобно, и ладно.

В кухне появляется их кот Гордон. Подходит на негнущихся лапах прямо к Артуру, но по дороге все оглядывается, ища глазами Нолу. Все никак не привыкнет.

– Ее здесь больше нет, – напоминает старик коту и приглашающе похлопывает по колену.

Иногда Гордон запрыгивает и дает себя погладить, но чаще просто уходит. Говорят, слоны горюют по своим хозяевам. Кошки, видимо, тоже. И даже домашние растения. С ними у Артура, в отличие от садовых, на удивление, ничего не получается. Взгляд падает на узамбарские фиалки на окне. Безнадежно. Завтра придется выбросить. Артур это каждый день себе говорит. Нола так любила их гофрированные цветки... «Посмотри только», – сказала она, принеся их домой и щекоча пальцем под одним из них, словно под подбородком.

Пожинав мясными консервами, похожими на собачью еду, Артур поднимается в спальню, к кое-как заправленной кровати. Ноле было бы приятно, что он не забывает об аккуратности. Как ни странно, ему и самому это нравится. Не всегда станешь тратить время на то, на что обычно обращает внимание женщина, но некоторые вещи все же стоят того. Однако вот сиденье унитаза теперь всегда поднято. Есть и другие горькие радости, которые раньше были под запретом. Сигара прямо за обеденным столом. Подкопченные сосиски на ужин. И по телевизору можно теперь смотреть все, что захочешь...

Артур ложится. В мыслях всплывает та девушка. Жаль, что он ее потревожил. Всего-то помахал ей, а она так и вскинулась. Похоже, с мертвыми он теперь легче находит общий язык, чем с живыми. И все же, ему кажется, ее он тоже немного понимает. В следующий раз надо будет крикнуть ей: «Извини, не хотел тебя напугать!» И, может быть, она ответит: «Еще чего! Ха-ха!» Она появляется перед ним как живая – большие пальцы просунуты в поясные петли джинсов, в глазах скука. Они могли бы провести время вместе, поговорить... Артур познакомил бы ее с теми, кто лежит там, в земле – как он их видит, – если только она не сочтет его сумасшедшим. Может быть, и нет – судя по всему, у нее тоже есть свои странности. Надо будет спросить, не мешает ли ей кольцо, свисающее из носа, как козьявка...

На следующее утро Артур просыпается так поздно, что уже пора обедать. Присаживается на краю кровати и выписывает ногами буквы алфавита, как велел доктор в качестве профилактики от артрита. Помогает, как ни странно. Из-под кухонной двери здорово сквозит – похоже, на улице холодно и ветрено. Май называется... На погоду сейчас совсем нельзя положиться. Ладно, неважно. Надо покормить Гордона и выходить. Дал слово – держи. Даже если самому себе.

Консервного ножа нет на месте. Винить некого – только сам Артур мог его куда-то убрать. В поисках он забирается в глубь ящика и обнаруживает там пластмассовые фигурки мистера и миссис Гамбургер. Господи, Нола хранила их все это время! Запылившиеся и потемневшие, они тем не менее смотрят все так же весело и задорно. У миссис Гамбургер длинные ресницы, розовые щеки и красное платье в желтый горошек, мистер Гамбургер в темно-коричневом костюме и шляпе-котелке. На муже микки-маусовские огромные черные ботинки, на жене массивные красные туфли на каблуках. Еще у нее были настоящие сережки в виде колец, но они не сохранились. Парочка держится за руки, словно готова вот-вот зашагать куда-то вместе...

В каком же году это было? Пятьдесят пятом? Пятьдесят шестом? Точно после войны в Корею. Стояла ужасная жара, готовить дома не хотелось, они пошли в закусочную и, уже уходя, купили эти фигурки. Нола все никак не могла выбрать между мистером и миссис Гамбургер и мистером и миссис Хот-Дог...

Артур вспоминает, что как раз перед этим они поругались. Они вообще редко ссорились, но тогда скандал был просто до небес. Из-за чего, теперь уже совершенно вылетело из головы, но Нола буквально визжала, как никогда раньше, и у нее все вены на шее вздулись. Артур еще подумал, что первый раз видит ее такой уродиней. Нехорошо, конечно, но что поделать? У всех бывают мысли, за которые потом стыдно. Главное, держать их при себе. Это и есть цивилизованность – хотя сейчас от нее мало что осталось.

Он ставит фигурки в центр стола, отступает и, уперев руки в бока, смотрит на них. Нола обожала такие вещички, как и тарелки в цветочек, конверты с птичками и букетиками... Мещанство, конечно, но все ее любили и прощали маленькие слабости.

– Мисс Харрис... – произносит мистер Лейв, учитель по английскому, когда Мэдди входит в класс. Больше ни слова, но остальное и так понятно. Вчера она пропустила занятия, хотя не была больна.

Пока она занимает свое место, мистер Лейв смотрит на нее, откинувшись назад и скрестив руки на груди. Кстати, его зовут Кэрл. Забавно, правда? Почти Король Лев. Жаль, нельзя его спросить, как так вышло. Он блондин, немного полноватый. Мэдди нравятся такие люди – ей они кажутся более дружелюбными. Еще у него очень бледная кожа, а звенья браслета наручных часов торчат во все стороны, как кривые зубы. Мистеру Лейву все равно, его это не волнует. Слова – вот что для него главное. От него Мэдди узнала одно из своих любимых – *hiraeth*, из валлийского, которое обозначает тоску по месту, куда не можешь вернуться или которого вовсе никогда не существовало; ностальгию, печаль и горе из-за навсегда утраченного. Это слово было в рассказе, который учитель им читал. Когда он поднял глаза от книги,

в них стояли слезы, но никто и не подумал потешаться над ним после урока, что было настоящим чудом. Во всяком случае, Мэдди ничего подобного не слышала. Правда, с ней в принципе никто не разговаривает. Она та, кто на обеде всегда сидит в одиночестве, делая вид, что, кроме сэндвича, ей никто и не нужен. Точнее, сидела – теперь она просто туда не ходит.

Она не знает, почему одноклассники ее избегают. Не уродина, с чувством юмора, не дура... Может быть, просто потому, что чувствуют, как остро она нуждается в их обществе. Словно дети, тыкающие палками в слабое животное. В людях это есть, они находят удовольствие в жестокости.

Мэдди сползает на стуле пониже, чтобы мистер Лейв сегодня ее не вызвал. Что-то вроде негласного соглашения между ними, из-за чего он еще больше ей по сердцу. Будь в школе только он один, она ни дня бы не пропустила. Однажды она задержалась после урока показать ему снимок, который сделала, лежа под деревом и глядя вверх. Мистер Лейв высоко оценил фото, причем без капли фальши в голосе, и спросил: «Ты не придумала для него название?» Мэдди пожала плечами: «Небо в рамках?» – «Здорово!» – улыбнулся он.

От непривычной похвалы все у нее внутри сжалось, в ушах зашумело, тело вдруг стало словно чужим. С трудом дослушав, Мэдди едва смогла скороговоркой пробормотать «спасибо». Потом, уже дома, лежа на кровати, она еще раз пристально рассмотрела фото как бы глазами учителя, обдумывая его слова. Нет, ничего, кроме одобрения, в них не было. Значит... значит, так тому и быть. И снимок отправился в заветную коробку в глубине шкафа – из-под конфет «Уитменс», маминых любимых, по словам отца. Кроме этого, он мало что о ней рассказывал. Сама Мэдди ее не знала – через две недели после ее рождения та погибла в аварии. Ехала на прием к врачу. Отец специально отпросился с работы, чтобы отвезти их, но Мэдди как раз простудилась, и мама решила ее не брать, оставила с ним и села за руль сама. На перекрестке другая машина вылетела на красный свет...

Там же, в коробке, лежит найденная на книжной полке мамина фотография. Мэдди выпросила ее у отца. Тот долго не отводил от снимка глаз, потом протянул дочери. На нем мама стоит у забора где-то за городом, руки скрещены, на губах улыбка. Джинсы, белая мужская рубашка навыпуск с закатанными рукавами, волосы повязаны красным шарфом...

– Где это она была? – спросила Мэдди отца.

– Со мной.

– А куда вы ездили?

– На пикник.

Больше он ничего не добавил, развернулся и ушел, как бы говоря – хватит вопросов. Для него это слишком тяжело, вряд ли он когда-нибудь расскажет о маме больше.

Мэдди похожа на нее: те же темные волосы, широко расставленные голубые глаза, маленькая ямочка на подбородке. Так хотелось бы знать: есть ли между ними и внутреннее сходство?

Мэдди пишет стихи и увлекается фотографированием. В последнее время ей нравится снимать что-то маленькое с увеличением, чтобы можно было рассмотреть как следует. А в стихах она, наоборот, как бы сжимает большое, уместая его в поле зрения. Это у нее точно не от отца.

Мистер Лейв тем временем рассказывает о «Гамлете». Мэдди не слушает, она и так уже все знает. На прочтение им дали неделю, но она проглотила книгу за один вечер. «Быть или не быть». Да... вот в чем вопрос.

Артур, шаркая, подходит к плите и включает на максимум, чтобы разогреть остатки бобов. Потом спохватывается и идет к столу и обратно, поднимая ноги от пола: «Я не шаркаю, не шаркаю, видишь, Нола?» Добавляет к бобам кетчуп, кленовый сироп, порезанный лук, соус табаско и кусочки бекона из банки, которые на самом деле совсем не бекон. Отрезает кусок

кукурузного хлеба, намазывает маслом, выкладывает на тарелку и вываливает сверху подогретые бобы. Потом открывает бутылку пива и садится ужинать.

Гордон запрыгивает на стол и пристально смотрит на Артура.

– Угощайся, – говорит тот, пододвигая коту свою тарелку.

Гордон садится, ровно поставив перед собой передние лапы, и аккуратно принимается за еду. Вдруг он останавливается, встряхивает головой, как будто в него водой брызнули, спрыгивает на пол и удаляется, возмущенно задрав хвост.

– Сам бы попробовал готовить. Думаешь, это так просто? – ворчит Артур, чувствуя себя уязвленным. Когда ты одинок, даже поведение домашнего животного может тебя обидеть.

Он подумывает посмотреть вечером телевизор, однако в последнее время с трудом выносит то, что там показывают. Как можно так себя вести на экране! Лучше просто прогуляться по кварталу. Только бы Люсиль Хауард не сидела у себя на веранде. Той только попадись – живым не уйдешь! Люсиль много лет была учительницей в начальной школе и до сих пор считает весь мир вокруг своей классной комнатой. Слишком уж любит всех поучать и вечно смотрит на тебя свысока. Однако, как ни странно, при мысли о возможной встрече старое, уставшее сердце Артура вдруг начинает биться быстрее. Возможно, просто аритмия, у него это бывает, но он предпочел бы другое объяснение. Слишком много всего сразу, скажем так.

Он смачивает волосы под краном на кухне, потом достает из кармана расческу и приподнимает кастрюлю, смотрясь в нее вместо зеркала. Кожа да кости – усох так, что мог бы в орудийный ствол поместиться. Однако в целом все еще ничего. Вполне ничего.

Когда Артур идет к выходу, за ним по пятам следует вновь появившийся Гордон.

– Хочешь на улицу? – придерживает для него дверь Артур. До темноты пусть гуляет – кот у него, по счастью, не охотник, за птиц можно не опасаться, проверено. Тот, однако, не двигается с места, только смотрит. – Просто решил меня проводить? Я через полчаса вернусь.

Говорят, котам все равно, дома хозяин или нет, но это неправда.

Проходя мимо дома Люсиль, Артур смотрит прямо перед собой – лучше не искушать судьбу. Однако соседка, разумеется, на месте и уже окликает:

– Артур! Заходи, посидим поболтаем!

Поколебавшись, он все же сворачивает к ее дому, дружески улыбаясь. Если бы еще не этот кошмарный парик, который к тому же криво сидит... Ужасно отвлекает. Так и хочется протянуть руку, натянуть поровнее и дружески хлопнуть по колену со словами: «Так-то лучше!» Только вот как бы не оскорбилась...

Вообще, Артуру кажется, главное, что приходит с возрастом, – это отказ от критики в чужой адрес и сочувственное принятие других такими, какие они есть. Неплохая компенсация, если подумать. К тому же Люсиль печет отличное сахарное печенье с корицей и всегда дает гостю с собой. Артур ест их потом прямо в постели – еще одно, что он не мог делать раньше, очередное горькое утешение.

– Садись, – указывает хозяйка на плетеное кресло, которое он всегда занимает, приходя к ней в гости.

Артур устраивается в гнездышке из подушечек в цветочек – одна сзади, две по бокам, еще одна на коленях. Не особо мужественно и вообще неловко так сидеть, но что поделать... Он никогда не понимал страсти женщин обкладываться этими финтифлюшками. Нола тоже ей страдала, каждый вечер приходилось буквально продирается сквозь них, чтобы забраться в постель.

– Так вот!.. – провозглашает Люсиль с ноткой удовлетворения в голосе, от которой Артуру становится несколько неудобно. – Это просто чудесно!..

– Да, спасибо, – кивает он.

– ...Я только что узнала, – продолжает она, – оказывается, моя внучатая племянница беременна!

– Правда?

– Да, и представь – ей ведь уже сорок!

Артур даже не знает, что на это сказать. «Поздравляю»? «Ого»?

– Нынешняя молодежь... – качает головой Люсиль. – Они просто... Словом, я их совершенно не понимаю.

В животе у Артура вдруг резко начинает урчать. Он неловко ерзает в кресле. Люсиль, покосившись на гостя, продолжает:

– Нет, не подумай, что я жалуюсь. Старики всегда не понимают молодых, правда? Но не будем брюзжать. Надо быть благодарными и радоваться жизни. В отличие от них.

Живот прихватывает не на шутку. Господи, да что же такое?! Наверное, съел что-то не то. Артур осторожно поднимается.

– Боюсь... боюсь, мне надо идти. Спасибо... спасибо за компанию, – едва выговаривает он, с трудом сдерживая позывы.

– Но ты ведь только пришел! – восклицает Люсиль. В глазах у нее – нет, только не это! – вдруг мелькают слезы, увеличенные очками.

– Я кое-что забыл, – выдавливает Артур.

– Что?! – требовательно спрашивает она.

– Ну... долго рассказывать.

Ему нужно – просто-таки необходимо – в туалет. Неверными шагами старик направляется к ступенькам. Люсиль, поднявшись, семенит рядом, беспокойно ломая руки. От нее слегка пахнет ванилью.

– Надеюсь, я тебя ничем не обидела? Мы ведь соседи, Артур, и нас только двое стариков осталось на весь квартал. Я просто думала, мы посидим вместе, испекла апельсиновое печенье, и...

– В другой раз.

Артур спешит домой и едва успевает. Когда он наконец опускается на унитаз, на пороге возникает Гордон и садится, положив на лапки хвост. Хоть какая-то живая душа рядом...

Закончив, Артур моет руки и некоторое время стоит у раковины, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Он чувствует облегчение, которое приходит после выздоровления – не важно, как долго продолжался недуг. Ну, значит, все в порядке. Да.

Пройдя в гостиную, Артур поднимает жалюзи и бросает взгляд на веранду Люсиль. Зашла внутрь. Ну, возвращаться назад было бы глупо. Жаль, что он ее обидел, но теперь ничего не поделаешь. Голубое небо потускнело, тоненькие облачка стали пепельными. Скоро покажутся первые звезды. Он вдруг вспоминает, как Нола однажды сказала: что, если души умерших становятся звездами и смотрят на живых с небес? Это было незадолго до ее смерти, и Артур до сих пор сожалеет о том, как ответил тогда. Он поцеловал руку жены – к тому времени легкую-легкую, как будто от нее осталась лишь внешняя оболочка, – и сказал: «Нам не дано знать». Почему он не нашел других слов? Конечно, это правда, но можно было придумать что-нибудь получше, поубедительнее. Ему хотелось бы дать ей понять – одно можно точно сказать про великое неизведанное по ту сторону: все будет хорошо. Артур считает, что так оно и есть.

Он приоткрывает заднюю дверь, и Гордон немедленно выскальзывает наружу.

– Эй! – окликает Артур. – Ну-ка вернись!

Однако кот исчез. Еще одна причина для беспокойства. Недавно один из соседей сказал, что видел койота, как ни в чем не бывало идущего прямо по тротуару – представляете? Гордон уже староват для таких встреч. Сколько ему? Артур медленно подсчитывает в уме. Пятнадцать! Неужели столько времени прошло?!

– Гордон! – зовет он снова.

В кустах раздается шуршание, кот выскакивает на дорожку и, растянувшись на спине, внимательно на него смотрит.

– Иди ко мне, – говорит Артур, похлопывая по ноге.
Никакой реакции.

– Давай же! Кис-кис-кис, – закатив глаза и понизив голос почти до шепота, спрашивает он.

Безрезультатно. Остается последний способ. Артур выносит пакет с кормом и трясет им. Гордон, поднявшись, убегает.

Старик раздраженно выдыхает. Нет, если кого и заводит еще, то только собаку. Гордона выбрала в приюте Нола – ему тогда было едва шесть недель.

«Ты только посмотри на него!» – ворковала она всю дорогу домой.

Что там можно было увидеть, скажите на милость? Всего лишь белый котенок с коричневым хвостом, на тот момент еще безымянный. Нола предложила назвать его «Прелесть», что, конечно, тут же было отмечено, как полная ерунда. Артур, однако, благоразумно молчал, только поворачивался всякий раз и с фальшивой хозяйской гордостью кивал: «Да уж!» Можно было подумать, они везут из роддома ребенка, которого у них никогда не было...

Артур заходит в дом, но дверь оставляет приоткрытой. Переодевается в пижаму, почистит зубы, умоется, протрет очки – тогда еще раз выглянет. Если кот не вернется – значит, сам виноват. Приятного аппетита тебе, койот.

Закончив с приготовлениями ко сну, Артур снова спускается. Гордона по-прежнему нигде нет. Еще раз окликает его, потом запирается и поднимается в спальню. Открывает книгу, но сосредоточиться на чтении не получается. Гасит свет и ложится, уставившись в темноту. На постель вдруг что-то мягко шлепается. Артур, подпрыгнув, вскрикивает, тут же устыдившись своего испуга – решил было, что летучая мышь упала с потолка. Однако это всего лишь негодяй Гордон.

– Ты где был?

Тот придвигается, сворачивается клубком и начинает урчать.

– Что, еще и погладить тебя? После всего, что я натерпелся по твоей милости?

Однако рука сама тянется. Потом, расположившись на постели, Артур включает свет и перед сном прочитывает несколько страниц своего вестерна. Засыпает со свернувшимся на коленях котом, чувствуя в груди будто надутый воздушный шарик. Маленькие радости и утешения...

В полночь Мэдди звонит Андерсону, стараясь говорить как можно тише, чтобы не услышал отец. Голос у парня сонный, и она тут же жалеет, что решила набрать номер. Однако теперь все равно ничего другого не остается, как брать быка за рога.

– Привет. – Получается как-то пискляво, по-девчоночьи, и она тут же старается взять на тон ниже: – Что делаешь?

– Сплю, что же еще!

– Ну прости, что разбудила. Просто ты говорил, что позвонишь сегодня...

– Правда? Извини. Но мы ведь только виделись... И... я был занят.

«Чем?» – так и вертится на языке, но лучше не давить лишний раз. И так ведь извинился.

Мэдди спрашивает, как прошел день, но разговор совсем не клеится.

– Не хочешь встретиться? – предлагает она наконец непринужденно-игриво – во всяком случае, надеясь, что это прозвучит именно так. – Я могла бы ненадолго улизнуть из дома.

– Даже не знаю, Мэдди... – Голос у Андерсона как будто чужой, и это ее пугает.

– Я тут кое-чему новенькому научилась...

– Неужели? – со смехом переспрашивает он. – Чему же?

– Сюрприз.

Он молчит, и Мэдди поспешно добавляет:

– Жди меня на углу. Поедем куда-нибудь, и я тебе покажу – прямо в машине.

Тот вздыхает.

– Мне утром на работу. Давай, только побыстрее, ладно? И после сразу разбежимся.

– Идет. Я буду через пятнадцать минут. Подъезжай.

Повесив трубку, она на секунду задумывается, как одеться. Что-нибудь, чтобы можно было сбросить побыстрее. Это так захватывающе! Нет, ну правда – как в каком-нибудь сериале. Надо только придумать, что же такого продемонстрировать.

Стащив пижаму, Мэдди натягивает футболку и джинсы – без лифчика и трусиков. Потом заходит в Интернет с телефона: «Техники орального секса Ж-М».

Когда подходит время, она поднимает окно, выбирается наружу и, пригнувшись в кустах, выжидает – не потревожила ли отца. Нет, ничего не слышно. Выходит к перекрестку. Торчит там долгих семь минут, считая каждую секунду, и уже почти отчаивается, когда наконец появляются огни фар. Машина Андерсона останавливается рядом. Его рука небрежно свешена в открытое окно, медленно поднимется дым от сигареты. Это так сексуально – настоящий мужчина, не то что тупые мальчишки из школы, которые развлекаются тем, что стараются прихлопнуть друг другу руки дверцами шкафчиков.

Облизав пересохшие губы, Мэдди торопливо огибает машину и запрыгивает на переднее сиденье. Андерсон кивает в виде приветствия и молча проезжает пару миль до ближайшего лесного заказника. Сворачивает на парковку, глушит мотор и наконец поворачивается.

– Привет. – Андерсон поднимает руку почесать уголок глаза. Жест почему-то кажется Мэдди очень милым, и она тянется поцеловать парня, но тот отстраняется. – Мне нужно побыстрее вернуться, завтра рано вставать. Так что... В чем дело?

– В смысле? – не понимает она.

– Что там за сюрприз?

– А... Ну, в общем... Хочешь, чтобы я тебе показала?

– Ага.

Даже раздеваться не нужно. Нет времени.

Она кладет руку ему на пах, расстегивает джинсы и аккуратно тянет вниз язычок «молнии». Там есть такое местечко позади всего, которое можно помассировать в процессе... Им это должно нравиться.

Девушка неловко опускается перед Андерсоном на колени. Он откидывает голову и прикрывает глаза, щелчком отправив сигарету за окно. На секунду задержавшись взглядом на красивом лице своего парня, Мэдди приступает...

– Ну и как? – спрашивает она после.

– Да, просто супер. Спасибо.

«Спасибо»? И это все?

– Пожалуйста. – Она возвращается на свое сиденье.

– Слушай, Мэдди... – начинает он, не поднимая глаз. У него такие длинные ресницы и четко очерченные скулы, а как красиво падают ему на лицо волосы... Прямо мурашки бегут по коже.

Он наконец смотрит прямо на нее.

– Я должен тебе сказать. Думаю, нам не стоит больше встречаться.

Она замирает, онемев. Дыхание перехватывает.

– Ладно? В смысле, я очень занят на работе, и... в общем, у меня еще другие дела есть...

– Какие? А если я бы помогла? Я могу!

– Нет, ничего такого... – Он отводит взгляд, потом вновь смотрит на нее. – А, не стану тебе врать, Мэдди! Ты отличная девчонка, красивая, и нам было хорошо вместе, правда? Но только... Слушай, я это говорю только потому, что не хочу с тобой плохо поступать, понимаешь? Обманывать тебя и все такое. В общем, я нашел девушку, которая лучше подходит по возрасту.

– И кто она? – Мэдди сама не знает, зачем спрашивает. И как у нее вообще это вырвалось. Она ничего не хочет слышать про ту другую.

– Она тоже работает в магазине, мы с ней постоянно пересекаемся...

«Мы». Слово обжигает, как огнем. Мэдди сжимает губы. Только бы не разреветься. Ни в коем случае.

– Сперва мы друг друга просто не выносили, – со смехом добавляет Андерсон. – Забавно, правда? Как в кино. Просто терпеть не могли. Однажды она...

– Хватит, – говорит Мэдди. – Не хочу больше ничего слышать.

– Ой, да ладно тебе. Иди сюда, – мягко говорит он.

Против своей воли она действительно подается к нему, притянутая, будто магнитом. Да и куда ей деваться?

– Вот, у меня кое-что для тебя есть. – Андерсон достает из кармана маленькую коробочку, в каких обычно продают драгоценности.

О господи! Это была просто шутка! Никакой другой девушки нет, он собирается сделать предложение! Да, конечно, да! Прямо сейчас переехать к нему и жить вместе! Мэдди не сводит глаз с коробочки, сердце буквально выпрыгивает из груди. Убраться из дома, подальше от отца, который вечно не в духе! Просыпаться каждое утро, предвкушая новый прекрасный день! Не чувствовать себя больше невидимкой! Мэдди столько всего знает и умеет, она как чудесный калейдоскоп, в котором можно увидеть потрясающие картины. Она поет, отлично танцует, может сложить язык трубочкой, невероятно быстро читает, на улице все кошки и собаки к ней ласться... Теперь она сможет показать все это другому человеку – свое сердце, чувство юмора, верность!

– Держи! – Андерсон протягивает ей коробочку.

Мэдди берет ее дрожащими руками, открывает и видит цепочку с жемчужиной – точно такую же, какую получила раньше.

– Подарок в знак моей признательности, – поясняет Андерсон тоном джентльмена в смокинге, раскланивающегося перед дамой. – Нравится?

Мэдди без слов запускает руку в вырез футболки и достает ту, что уже висит на шее.

– Ох, вот черт...

Открыв дверцу, она пытается выйти, но Андерсон хватается за руку.

– Куда ты?

Мэдди молча вырывается, но он только сжимает крепче, так что ей становится больно. Обернувшись, она бьет его по лицу. Оба ошарашены. Андерсон отпускает ее, она выскакивает из машины, оставив дверцу нараспашку – сам пусть закрывает! – и бросается бежать.

– Мэдди! – кричит он вдогонку. – Какого черта ты творишь?! Вернись, я отвезу тебя домой! Ради бога, сядь обратно в машину!

Та только прибавляет скорости.

– Мэдди! Здесь опасно одной!

Дверца захлопывается, и машина едет следом. Девушка бежит в лес.

– Мэдди! – слышится в последний раз. Потом звук двигателя удаляется.

Она выходит на дорогу – никого. С минуту ждет, не вернется ли. Нет.

В каких-нибудь пятнадцати шагах, у самой кромки леса, Мэдди замечает оленюху, которая смотрит прямо на нее. Вдруг накатывает чувство нестерпимого стыда. Обе застывают, не двигаясь с места, в больших глазах животного бесконечное терпение и понимание.

– Мама? – шепчет вдруг Мэдди.

Когда она была маленькой, то всегда смотрела по телевизору «Соседство мистера Роджерса»⁴. Отец усаживал ее на диван, давал печенье в виде зверюшек и сок, а сам исчезал в

⁴ Популярная детская передача, выходившая на канале PBS в 1968–2001 гг.

спальне или в подвале, где мог побыть один. Мэдди помнила и маленький паровозик, и кукол, и постоянных гостей... Уютный голос ведущего – как бы она хотела, чтобы отец был таким же. Однажды мистер Роджерс посмотрел как будто прямо на нее. «Ищи того, кто поможет, – сказал он. – И надежда никогда не оставит тебя». Она сперва вздрогнула, потом замерла, не шевелясь, не дыша. Она бы не удивилась, если бы он протянул ей тогда руку из телевизора. Тот день навсегда запечатлелся в ее памяти, как если бы кто-то бросил спасательный трос прямо с экрана.

Мэдди иногда ощущает присутствие мамы – в какой-то вспышке в мозгу, в ударе сердца, в едва слышном шепоте. Временами она появляется и по-другому, вот как сейчас эта олениха, вышедшая из леса будто специально в такой момент – пусть на расстоянии, но все же побыть рядом. Это немое утешение словно подтверждает обещание мистера Роджерса. И Мэдди действительно чувствует надежду, хотя уже не такую яркую, как когда-то прежде. Та будто поблекла со временем.

Сглотнув, девушка поднимает руку.

– Пока.

И уходит по дороге.

Добравшись до дома, Мэдди бесшумно влезает в окно. Оказавшись внутри, включает настольную лампу. На краю кровати сидит отец.

– Где ты была?

Внутри только пустота. Страх нет.

– Бегала на свидание с парнем.

Отец кивает и пристально смотрит на дочь, которая стоит перед ним со скрещенными на груди руками, закрывая разбитое сердце. Потом...

– Иди сюда, – говорит он, похлопав по кровати. Мэдди подходит и садится, глядя прямо перед собой.

Отец откашливается. Он кладет свою ладонь на ее. У девушки все внутри сжимается. Он так редко проявляет чувства к ней, что в такие минуты она обычно напрягается или старается уклониться. В его ласках не чувствуется тепла, они воспринимаются только как нечто чуждое, вторжение в личное пространство. Лишнее напоминание о том, чего она всегда была лишена и чего ей так не хватало – по крайней мере, когда-то. С годами она отгородилась от отца, ничего больше от него не желая. И теперь уже поздно. Непреодолимая стена между ними дает ощущение безопасности.

– Послушай, – говорит он. – Знаю, я... Наверное, это не очень заметно, но я люблю тебя. Пожалуйста, никогда так больше не делай. Ты меня напугала. Я очень боялся за тебя. Обещаешь мне, что этого не повторится? Так нельзя. Парни не уважают девушек, которые так себя ведут. Договорились?

«Не уважают, это точно...»

– Договорились, – отвечает Мэдди и убирает руку.

– Никогда больше так не делай, – повторяет он. Подняв на дочь глаза, хочет сказать что-то еще, но осекается. – Доброй ночи.

Он устало поднимается – слишком устало, даже для такого позднего часа. Уже на пороге оборачивается и спрашивает:

– Может быть, хочешь о чем-нибудь поговорить?

Та качает головой.

– Я завтра собирался в магазин за продуктами. Тебе что-то нужно?

– Нет.

– Точно?

– Я же сказала – нет!

Поколебавшись, отец снова повторяет:

– Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Какие прекрасные слова. Доброй. Ночи.

Мэдди залезает под одеяло, не раздеваясь. Она не станет думать об Андерсоне. Чего еще она от него ждала? Нет, она не будет о нем думать. Лучше о чем-нибудь хорошем, добром. И о ночи.

Утром Мэдди сядет в школьный автобус, но в школу не поедет, а отправится на кладбище. К тем, кто ей ближе.

Прежде чем отправиться на автобусную остановку, Артур решает заглянуть к Люсиль. Надо извиниться. Скажет, что вчера почувствовал недомогание, но постеснялся признаться. Теперь все в порядке, и они могут вечером поболтать. Он надеется, что та поймет и, возможно, скажет даже: «Подожди минутку, я сейчас дам тебе кое-что к обеду». И принесет пакет с печеньем. Кажется, она вчера говорила об апельсиновом. Наверняка отличное. От одной мысли сразу слюнки текут. Печет Люсиль что надо! О чем, правда, и сама не преминет напомнить, но почему бы и не похвастаться своим талантом? Когда она готовит торт с карамелью, запах даже до дома Артура долетает.

Пройдя через свой участок, он поднимается по ступенькам к веранде соседки и стучит в дверь. Внутри слышится движение, и Артур приглаживает волосы на затылке. Не зная, куда девать руки, убирает их назад, потом снова возвращает на место. Покачивается взад-вперед на носках. Стучит еще раз. На этот раз тишина. Звонит в дверь, но хозяйка все не идет. Уж не случилось ли чего? В их возрасте вопрос не праздный. Артур еще раз звонит, затем чуть приоткрывает створку:

– Люсиль?

Наконец-то! Та спешит навстречу, с легким румянцем на щеках. Это хорошо...

Хотя нет, не очень.

– Ты что себе позволяешь?! Почему открываешь дверь без спросу?!

– Я... Ты не отвечала, и я испугался, что ты могла упасть или еще что-нибудь...

– Упасть!

– Ну да, Люсиль, я опасался, что ты упала.

– Я в жизни никогда не падала, с самого детства!

– Что ж, рад это слышать.

Следует пауза, потом женщина говорит:

– Мне нужно идти, у меня дела.

– Ладно. Тогда увидимся, наверное...

Она захлопывает дверь. Видимо, все-таки злится. Может, постучать еще раз, извиниться, спросить, не хочет ли поговорить? Нет уж. Теперь Артур и сам не хочет. Вот еще! У него тоже дела – пора ехать к Ноле. Это лучшее, что осталось в его жизни, и ему плевать, кто что подумает.

И все же, спустившись с веранды, он оглядывается – не шевельнется ли занавеска в окне.

В автобусе он чувствует себя немного подавленно, однако стоит пройти через ворота кладбища, как настроение вновь поднимается. День чудесный, воздушные белые облака бегут по голубому небу. Оба цвета – такие, как и должны быть, все так, как надо. Артур прибавляет шаг. Сегодня он взял с собой на обед арахисовое масло и виноградное желе, к ним молоко в термосе и фруктовый салат в маленьком стаканчике. Если когда-нибудь приестся вкус арахисового масла с желе – ну, видимо, уже и правда пора отправляться на небеса. К Ноле. Артур надеется, что там действительно что-то есть. Что он сможет снова ее увидеть. Как бы он хотел взглянуть на нее прямо сейчас! Если бы только мог! Он никому бы не сказал, пусть бы это был

их маленький секрет – его и Бога. Все на свете бы отдал, лишь бы снова увидеть ее лицо, хотя бы на секунду, посмотреть в ее глаза... До конца жизни хватило бы этого мгновения.

Ну что ж... Артур доходит до ряда надгробий.

Аннет Макалистер. Восемьдесят лет. Немало пожила, скажет кто-то, однако сама она вряд ли бы согласилась. Артур слегка склоняется над могилой. «Незабудки, – всплывает у него в голове. Наверное, любимые цветы покойной. – Сильный артрит, все пальцы в шишках. Однако не расставалась со спицами. Возле кресла у нее всегда стояла желтая миска с арахисовым грильяжем. Терпеть не могла маленьких детей».

Артур выпрямляется. Терпеть не могла! Нет, конечно, о мертвых или хорошо, или ничего, однако он просто не выносит тех, кто не любит маленьких. Да, возможно, иногда они капризничают, но всегда есть причина: устали, голодны или напуганы. Многие из наших неприятностей тоже, наверное, можно было бы решить здоровым сном, вкусной едой или вовремя предложенным утешением. Просто взрослые любят все усложнять, такова уж их природа. Они привыкли слишком серьезно ко всему относиться и говорить, говорить, говорить. Не то чтобы сам Артур был тут безгрешен. Он, например, всегда был тяжел на подъем. Нола часто на это сетовала. «Рванем куда-нибудь на машине!» – говорила она. «Когда?» – спрашивал он. «Да прямо сейчас». – «Куда именно?» – «Все равно!» Ну нет, сейчас он не может, отвечал Артур. В конце концов она перестала предлагать, потому что реакция всегда была одной и той же. А ведь на самом деле он мог! Мог и должен был сесть и поехать! Если спросить ребенка: рванем куда-нибудь на машине? – что он ответит? Да! Пошли на рыбалку? Да! Поиграем в поиски клада? Да! Давай кружиться до упаду? Да! И, честно говоря, с детьми Артуру всегда было легче, чем со взрослыми – исключая Нолу.

Он шагает дальше в сторону ее ряда надгробий. Гарольд Лоутон. Генри Олсон. Останавливается у могилы Хайди Мюллер. «Родилась 14 марта 1922. Умерла 25 декабря 2011». На Рождество. Непростое для кого-то выдалось, наверное. Артур замирает, сжав руки в кулаки, сосредоточившись. «Трофейная невеста». Приехала сюда с мужем-солдатом. Светлые вьющиеся волосы, голубые-голубые глаза... Когда колонна военных грузовиков входила в ее городок в самом конце Второй мировой, Хайди смотрела на них из-за кружевной занавески. Нацисты запугивали женщин: избегайте американцев – те обязательно попытаются вас изнасиловать или угостят отравленным шоколадом. Однако она все равно заговорила с одним из них, у которого из нагрудного кармана торчали три зубные щетки. Новая тогда была роскошью, вот до чего дошло. Солдат согласился подарить одну, если Хайди его поцелует. Она отказала, чем очаровала его еще больше. Тот, родом из Нью-Йорка, столько всего навиделся на войне, что эта женщина показалась ему прекрасной розой на холодном снегу. Американцам запрещалось «братание с врагом», и солдата наказали, но это ничего не изменило. Ему хватило одной той встречи...

Любовь с первого взгляда случается чаще, чем думают. Так было и у Артура с Нолой. Он увидел ее у магазинной стойки с конфетами, и внутри вдруг все упало, а потом взлетело – трах-бум-тарарам. «Мисс? – окликнул он девушку, сглотнув комок в горле. Она с улыбкой обернулась. – Я женюсь на вас». Вместо того чтобы развернуться и убежать, та только спросила: «Когда?»

Артур поднимает взгляд к вдруг нахмурившемуся небу. Дождя не обещали, но тот, видимо, об этом не знает. Придется быстренько поест, мысленно благословить последнее пристанище жены, которая по-прежнему и навсегда с мужем, освещая его жизнь изнутри и вовне, а затем отправиться домой. Надо будет сегодня посадить купленные семена помидоров – в картонные стаканчики для начала. Когда из земли проклевываются зеленые ростки, чувство такое, будто ты сам Господь Бог. Пусть целый огород Артуру уже не под силу, но свежие помидоры летом у него будут.

Он усаживается на свой раскладной стул и уже собирается приняться за еду, когда снова замечает ту девушку. Она смотрит из-под дерева, прислонившись к стволу спиной и скрестив руки. Рядом стоит рюкзачок. Час дня. Почему она не на уроках?

Артур нерешительно машет ей. Та отвечает ему тем же, потом поднимается и идет к нему – не быстро, но целенаправленно, с непроницаемым выражением на лице.

Когда она оказывается рядом, Артур встает.

– Привет.

– Вы сюда постоянно приходите, – говорит она.

– Ты тоже почти так же часто.

Та только пожимает плечами. Указывает подбородком на могилу:

– Ваша жена?

Артур кивает.

– Да, Нола. Она умерла полгода назад. Нола Коррин, Королева Красоты.

Оба молча смотрят на надгробие, потом он добавляет:

– Мне ее ужасно не хватает, поэтому я каждый день прихожу сюда обедать с ней. И у меня такое чувство, как будто мы действительно едим вместе.

– Она правда была королевой красоты?

– Для меня – да.

– Вы ведь говорите с ней? – спрашивает девушка с детским любопытством, без осуждения.

– Да, говорю.

– А о чем?

Артур слегка выпрямляется, молча улыбнувшись.

– Да, я понимаю, это личное... – Девушка смущается и будто немного уходит в себя. Очевидно, она очень ранима.

– Ну, не такое уж личное, – замечает Артур. – Я ведь вслух говорю. Любой, кто рядом, может услышать, если только захочет. До тебя, наверное, тоже долетало что-то время от времени.

Та качает головой.

– Нет, я ничего не слышала. Видела, что вы двигаете губами, но слов не могла разобрать.

– В общем-то ничего особенного. Я рассказываю ей, чем занимался, да и вообще все что в голову придет, если честно. Про погоду. Иногда о чем-то прочитанном в газете – что-нибудь забавное. Политика Нолу не интересовала, она любила смешные или жизненные истории. – Заглянув в лицо девушки, Артур замечает темные круги у нее под глазами. – Иногда я говорю, как сильно мне ее не хватает. Хотя выразить это словами... Все равно что протащить слона в игольное ушко. Ну, ты понимаешь.

Та кивает.

– Я Артур Мозес, кстати.

Он протягивает руку. Девушка секунду смотрит на нее, потом пожимает. У Артура такое чувство, будто она никогда раньше этого не делала. Что ж, вполне возможно. Среди молодежи сейчас, кажется, так не принято. Они вообще в основном не вытаскивают руки из карманов. Прежде такое считалось грубым. Или все строчат что-то в своих телефонах...

– Мэдди Харрис, – представляется девушка.

Грохочет гром, внезапно начинается дождь. Крупные капли падают Артуру на шею, стекают по спине, по рубашке. Ссутулившись, он пытается перекричать вдруг поднявшийся ветер:

– Кажется, это надолго! Я, наверное, пойду!

Мэдди кивает.

Артур поспешно шагает прочь. Льет уже как из ведра, капли барабанят по надгробиям, отскакивая от них.

– Послушай! – окликает он девушку, обернувшись. – Через несколько минут будет автобус – не хочешь поехать ко мне переждать дождь?

«Артур!» – так всегда реагировала Нола на подобные порывы. Однажды они с ней купили булку с корицей, и он отдал половину какому-то человеку на улице, который сказал: «Как вкусно пахнет!» Жена сделала круглые глаза, а Артур только пожал плечами: «Что такого? В прошлый раз мы скормили полбулки птицам». – «Да, и они клевали с удовольствием! И мне это было приятно!» Артур слизнул с пальца глазурь, потом протянул его Ноле. Та гневно нахмурилась, но тут же рассмеялась и сняла губами остатки. Такой она была – не умела долго сердиться, особенно если чуть-чуть подмаслить.

– Если едешь, то надо поторопиться, – предупреждает Артур.

Мэдди не двигается с места, просто стоит и смотрит на него. Наконец во взгляде мелькает решимость. Девушка закидывает рюкзак на плечо и что-то отвечает, но Артур не слышит.

– Что, прости?

– Я говорю: «Супер, всегда любила автобусы».

Они поспешно пробираются по вмиг размокшей земле к остановке. Артур надеется, Люсиль не заметит их. А может, лучше бы увидела. Заглянула бы с печеньем... Хотя она очень редко заходит. Почти всегда он навещает ее, и обычно на веранде, не дальше. Хотя нет, на Рождество помогал установить звезду на елку. Разве не странно – столько лет живут бок о бок и так редко переступают порог друг друга. То ли дело в детстве, когда они с друзьями бегали из дома в дом, как будто жили во всех сразу...

Когда они наконец добираются до остановки, Артур облегченно переводит дух. Сердце как-то странно трепыхается в груди, воздуху не хватает. Очень хочется присесть на свой стульчик, но остатки мужественности не позволяют проявить слабость перед девушкой. Та, однако, сама берет его, раскладывает и делает приглашающий жест. Артур повинуется. Под проливным дождем оба молча ждут автобуса.

В одиночку приятного тут было бы мало, а вдвоем это как будто приключение. Вот что значит быть с кем-то. Артур вдруг вспоминает, каково делить что-то с другим, ту магию, что словно освещает все вокруг, когда ты не один, и это ощущение захватывает его.

Если Люсиль не заметит их двоих, он сам за ней сходит и приведет. Раз уж сегодня у него собирается женское общество...

– Идет, – говорит Мэдди.

Артур видит подъезжающий автобус – фары включены, «дворники» елозят по стеклу туда-сюда. По дороге уже текут настоящие реки, так что кажется, будто он скорее плывет.

– Ой, подождите, у меня же с собой ни цента! – вспоминает Мэдди. – Вы мне не одолжите?

– Я за тебя заплачу, – успокаивает ее Артур. – У меня проездной.

Однако когда они садятся в автобус, водитель отказывается списать две поездки с карты.

– Вы что, шутите?! – возмущается Артур.

– Это против правил.

Сразу видно мелочного придиру. Глаза подозрительные, во взгляде ни сострадания, ни чувства юмора.

– Ладно, заплачу наличными. – Хорошо, что у Артура всегда при себе есть мелочь. Он запускает руку в карман.

– Спасибо, – благодарит Мэдди, наклонив голову.

Они садятся прямо за водителем – тот, сразу тронувшись, не дает им времени найти себе другие места.

– Далеко нам ехать? – спрашивает девушка.

– Семнадцать кварталов. Через десять минут будем дома. Ты любишь суп?

– Смотря какой...

– С бобами и беконом.

Она морщит нос.

– А томатный?

– Да! Спасибо.

Мэдди поворачивается к окну. Артур тайком бросает взгляд на ее отражение. Какое грустное у нее лицо...

Когда они подъезжают, дождь уже поутих. До дома рукой подать, однако на самых ступеньках девушка вдруг мешкает, колеблясь – входить или нет. Артур уже собирается предложить ей посидеть на веранде, когда из-за двери доносится мяуканье Гордона.

– У вас есть кот? – спрашивает Мэдди.

Артур кивает:

– Да, Гордон. Просто с ума сходит, если меня нет. Но, конечно, стоит мне войти – только его и видели.

Он вставляет ключ в замочную скважину и отпирает дверь. Гордон, увидев незнакомого человека, замирает.

– Это Мэдди, – представляет Артур и кивает ей: – Проходи.

Та переступает порог, и Артур закрывает за ней дверь. Девушка стаскивает грязные ботинки – да, надо бы тоже снять. У нее на носках рисунок в виде черепов, у него – дырки на больших пальцах. Гости ведь не предвиделись...

Она стряхивает с плеч куртку, и Артур, подойдя сзади, протягивает руки.

– Что вы делаете? – разворачивается Мэдди.

– Хотел помочь...

– Я и сама справлюсь.

– Извини, просто привычка. Раньше джентльмен всегда помогал даме снять пальто, открыть дверь и так далее. Ты ведь, наверное, видела такое в фильмах?

– Здесь пахнет луком, – замечает девушка.

– Ну...

– Я люблю лук.

Она наклоняется, и Гордон, подойдя к ней, утыкается большой головой ей в руку и жмурится от удовольствия, когда ему чешут за ухом.

– Кажется, у тебя появился друг, – замечает Артур.

– Ну, хоть один...

– Два, – поправляет он.

Девушка бросает на него короткий взгляд, потом вдруг оседает на пол и закрывает лицо ладонями.

– Ох... Мэдди? Что с тобой?

Артур сел бы рядом, но потом он просто не встанет.

– Мэдди?

Она опускает руки и смотрит прямо на него.

– Меня вчера бросили.

Артур кивает.

– Хм... Меня тоже.

Мэдди недоверчиво хмурится.

– Правда?

– Ну, вроде того. Давай пообедаем, и ты мне ответишь, как по-твоему. А потом я тебе скажу, что думаю про твою историю. Про то, что случилось с тобой. Если ты захочешь со мной поделиться, конечно.

Мэдди поднимается с пола и проводит рукой под носом. Артур вздрагивает, когда она задевает кольцо.

– Ну, не все, но могу рассказать.

– Вот и хорошо.

Он направляется в кухню и мимоходом бросает взгляд на дом Люсиль. Никого не видно, и свет не горит. Наверное, вышла куда-то. Будем надеяться, зонтик она не забыла...

Артур выдвигает для Мэдди стул.

– Сейчас все будет готово.

Только бы молока хватило на суп. И нашлись бы две одинаковые тарелки. Желательно чистые. Когда живешь один, за такими мелочами перестаешь следить.

– Здесь что, ящик в столе? – удивляется Мэдди.

– Ага. Раньше так делали. И хранили там столовое серебро. Удобно. Мы с Нолой держали там «зеленые марки». Правда, теперь их уже нет...

– А что такое «зеленые марки»?

– Ну, их выдавали в магазинах и на заправках, потом можно было обменять на разные товары: посуду, игрушки... Если много накопить, то даже на неплохую мебель. А детишкам нравилось собирать их и наклеивать в специальные книжки.

– И вашим тоже?

– У меня... У нас с Нолой не могло быть детей.

– Оно и к лучшему, – негромко произносит Мэдди.

– Что?

– Я говорю: «Оно и к лучшему»!

Артур недоуменно смотрит на нее, высунув голову из холодильника.

– И почему же это, позволь узнать?

Девушка пожимает плечами.

– Ты не любишь детей?

– Я-то люблю. А вот многие – нет. И понятия не имеют, что с ними делать. Дети им только мешают.

Отыскав молоко, Артур встряхивает картонку. На суп хватит. Открывает консервную банку и опрокидывает в кастрюлю, затем добавляет молоко. Руки слегка трясутся.

– Я бы хотел, чтобы у меня были дети. По многим причинам. И особенно сейчас.

Повисает пауза, потом Мэдди спрашивает:

– А сколько вам лет?

Артур отвечает: восемьдесят пять, и интересуется ее возрастом.

– Восемнадцать. Почти.

Звучит как поэзия.

– Ты выглядишь младше.

– Знаю. Это у меня с рождения.

Артур не сразу, но смеется. Мэдди тоже улыбается. Боже, какая у нее улыбка! Никогда такой не видел! Лицо будто озарило солнце. Просто красавица. Еще бы эту штуку из носа убрать...

– А у вас есть хлеб? – спрашивает Мэдди.

– Конечно. Половина батона.

– А сыр?

– Да. Плавленый, в ломтиках.

– Хотите, сделаю сырные гренки к супу?

Артур озадачен.

– А как ты собираешься их делать?

– Я раньше никогда не пробовала, но видела в ресторане, что томатный суп подают с ними. Думаю, надо просто положить сыр на хлеб, запечь и нарезать.

– Звучит неплохо. Сковорода вон там. – Он указывает ногой на нижний ящик.

Мэдди достает небольшую чугунную сковородку.

– У вас есть сливочное масло?

– Есть. Только моему доктору не говори.

Когда Люсиль возвращается домой, на часах уже полдвенадцатого. Подумать только! Почти полночь! Сколько лет назад такое было в последний раз?! Ну и ну!

Ко сну будто готовятся два разных человека. Нынешняя Люсиль, наносящая на лицо ночной крем, и другая, прежняя, с румяными щеками, гладкой, буквально светящейся изнутри кожей и каштановыми волосами до плеч, такими густыми, что они с трудом поддавались гребню. Перед глазами так и стоит то, юное лицо – ох, до чего же прелестное! – да и сама будто вернулась в молодость! Даже тело словно тогда – легкое, полное сил! Подбородок поднят, ноги выпрямляются, и от макушки до пяток вдруг пронизывает такой заряд энергии, будто на тебя опрокинули ведро воды. Или как в тот раз, когда вилка попала в тостер и Люсиль ударило током.

Она закрывает глаза. Пальцы взлетают к крепко сжатым губам, из которых вдруг вырывается что-то среднее между смехом и рыданием. Выключив свет в ванной, она идет к постели, будто ступая по облакам, – только теперь смысл этого выражения становится ясен.

Люсиль ложится, гасит лампу у кровати. В темноте проступает его лицо. Вернее, тоже два – молодое, из времени, когда они были вместе, и старое, то, каким оно стало теперь. Угадайте, какое из них больше и висит прямо перед глазами огромной полной луной?

Фрэнк Пирсон...

Фрэнк Пирсон!

«Я думала, ты умер», – сказала ему Люсиль. «А я думал – ты», – ответил он, глядя на нее, как на чудо. Конфеты, букеты – все это ерунда, кто бы что ни говорил. Вот быть живой, когда тебя считали давно в могиле! Живой и здоровой! Ну, относительно...

Люсиль вздыхает. Она измотана, но вряд ли сможет сейчас уснуть. Пытаясь успокоиться, дышать помедленней, кладет себе руки на живот...

Глаза ее вдруг распахиваются. Нужно сесть на диету. И раньше подумывала, для здоровья – на каждом приеме доктор Финк смотрит на график массы тела и потом молча поднимает взгляд на пациентку. «Прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Я сброшу вес», – всякий раз обещает она. Снова и снова. Однако худеть только ради здоровья – перспектива довольно безрадостная и изначально обреченная на неудачу. Другое дело – во имя любви...

Завтра Люсиль собиралась попробовать добавить в печенье с кусочками шоколада еще и ириски – ей было интересно, каким получится вкус. Теперь не станет. Или, может быть, все же испечет и угостит Артура. Он такой худой, прямо-таки просвечивает. Да, она станет все отдавать ему – он будет только счастлив. Она больше на него не злится – из-за Фрэнка. Улыбайся, и весь мир улыбнется тебе. Влюбленных любят все⁵.

Люсиль лежит, пытаясь отвлечься от мыслей и заснуть, но ничего не выходит. Тогда она снова включает свет, сует ноги в тапочки и спускается за письмом, что получила буквально на днях. А еще говорят, что никто уже давно друг другу не пишет! И это был не просто листок бумаги, с ним пришло нечто куда большее! Подумать страшно – что, если бы письмо затерялось? Если бы его вырвало из рук ветром? Если бы, несмотря на написанный от руки адрес, Люсиль сочла бы это очередной рекламой, как практически вся остальная почта, и выбросила бы? Или взглянула бы на имя отправителя и сказала: «Ох, нет... придумал тоже – наше время давно ушло»? Что верно, то верно – однако на самом деле никогда не поздно.

Вернувшись с письмом в постель, Люсиль разворачивает листок. Сперва она с трудом разобрала почерк, но теперь легко пробегает глазами написанное. На самом деле она запом-

⁵ Строки из популярных песен 1930–1950-х гг.

нила весь текст наизусть, но читать приятнее, замечая мелкие детали вроде открытых нижних петель и выразительных косых черточек у букв. А больше всего ей нравится то, как подчеркнуто слово «надежда»...

Она перечитывает письмо еще раз и засовывает под подушку. Кажется, Фрэнк был не особенно счастлив от того, что много лет назад бросил Люсиль ради Сью Бенсон. Которая, оказывается, год как умерла. Умерла! От лейкемии! За три месяца! Однако, как бы там ни было, их брак явно счастливым не назовешь. Фрэнку тогда просто пришлось жениться, вот и все. Он закрутил с этой Сью на какой-то вечеринке, куда пошел один. Та сама ему на шею вешалась, он не устоял, и вуаля – свадьба по залету. А теперь вот через столько лет вдруг объявился.

Люсиль вдруг вспоминает, как Фрэнк брал ее за руку, поворачивал ладонью вверх, нежно-нежно целовал, потом переходил к запястью, потом к губам... Кстати, для них сейчас делают увеличители, можно просто купить в аптеке – сама видела на днях, когда заходила заполнить рецепты. Еще подумала тогда: «Вот ведь глупость!» – и одернула платье на бедрах – все время прилипает, постоянно приходится следить. Нужно будет отыскать нижнюю юбку – вроде не выкидывала, насколько помнится. А еще была шикарная комбинация – светло-зеленая, с чудесным кружевом чайного цвета по лифу и низу, прямо слюнки текут от одного вида! Люсиль купила ее в преддверии будущего замужества и потом так и не носила. Тоже ведь где-то лежит... Теперь, конечно, не налезет, но она же садится на диету! Не то чтобы Фрэнк что-то сказал о лишних фунтах, да и сам он далеко не модель, однако дело не только в тщеславии, а в том, что теперь Люсиль действительно хочет прожить как можно дольше. Потому что судьба напомнила ей – никогда не знаешь, что может ждать тебя впереди. Никогда.

У всех геронтологов мода допытываться у пациентов, хотят ли те дожить до ста лет. Люсиль несколько раз спрашивали. Она всегда отвечает: «Ну да, разумеется!», потому что именно этого от нее ждут. Говорить начистоту себе дороже. Ее подруга Фрэнни Миллер, которой девяносто, сказала как-то доктору: «Нет уж, ни за что; я и до девяносто одного-то не хочу доживать!», так ее отправили к психиатру. Люсиль и сама каждый раз думала: «Да Господи, чего ради мне желать дотянуть до сотни?!» А теперь, когда случилось то, что иначе как чудом не назовешь – да, именно чудом, – она на самом деле этого хочет! И больше века люди живут, сохраняя даже относительное здоровье. Она сама на днях видела в кафе быстрого питания старичка, которому, похоже, за сто перевалило, и тот уписывал один пончик за другим, будто на конкурсе едоков. И вышел на своих двоих, даже без палочки. Да, конечно, согнувшись в три погибели и еле передвигая ноги, но без посторонней помощи. А Люсиль пока всего семьдесят три, она лишь четыре года как разменяла девятый десяток – подумать только, сколько еще всего можно успеть!

Выбравшись из кровати, она спускается упаковать апельсиновое печенье для Артура. Внучатая племянница как раз прислала очень симпатичные коробочки – как от китайской еды навынос, только для печенья. Надеялась, наверное, получить их обратно полными... Нет, все достанется соседу. Ровно три доверху получилось. Люсиль оставляет себе парочку и тут же закидывает обе в рот, что им валяться? От двух штучек вреда не будет. Господи, вкусно-тища какая! М-м-м! Рука сама тянется под клапан коробочки и вытаскивает еще одну. Ну, не открыла же – значит, не считается.

У Артура в кухне горит свет. Небось сидит ест покупное печенье. Люсиль крадучись подбирается к окну и выглядывает. Ага, так и есть. Нола, жена соседа, похоже, в жизни никогда не пекла. Так-то она была женщина довольно приятная, только не особенно общительная – кажется, ей, кроме мужа, никто и не нужен был. А теперь вот он остался один-одинешенек, ест ночью на кухне «Орео»... Что, кстати, вообще за ерунду они придумали с этой двойной начинкой, кому она нужна?! Наверняка Артур ужасно скучает по домашнему печенью Люсиль. Мужчины все такие – не понимают, как сильно ты им нужна, пока не ощутят на горьком опыте.

«Чериз Баумгартнер. Родилась 19 марта 1943, умерла 9 августа 2016». Ах, эта... Библиотекарша, самая хорошенькая девушка из всех, когда-либо носивших очки. Родинка на щеке, огненно-рыжие волосы и зеленые, как океан, глаза. Любила все розовое. Волосы укладывала в пучок, который почти сразу же очаровательно растрепывался. Однако Чериз некогда было помнить о том, что она хорошенькая, и вообще это ей не нравилось, она еще в десять лет сказала маме, как ей надоело от всех слышать о своей красоте. Читать любила босиком, сплетая пальцы рук и ног. Замуж так и не вышла. Не до того, заявляла Чериз, когда ей начинали докучать, – на свете еще столько книг...

«Опал Эриксон. Возлюбленная дочь, сестра, тетя»... И внизу, уже другим шрифтом, добавлено: «Дорогая подруга, обожаемая при жизни, любимая и после смерти». Странно...

Артур задумчиво смотрит на надгробие – в одной руке пакет с едой, в другой складной стул. Что бы это значило? «Дорогая подруга»... Никогда раньше такого не видел. Может быть, лесбиянка? Артур взглядывает на даты жизни. Родилась в 1905-м, умерла в 1980-м. Да, возможно. Он прикрывает глаза и склоняется ниже над могилой. Нет, ничего. Опал не расположена разговаривать – по крайней мере, с ним.

Идет дальше, и еще через несколько шагов чувствует, будто его тянут за рукав.

«Кэл Бирман. Родился 1 июня 1900, умер 4 июля 1990». Заядлый удильщик форели, звук текущей воды настраивал его на философский лад. Носил волосы на прямой пробор – и плевать на моду. Нос картошкой, вечно красный, хотя пил в меру. Не любил об этом вспоминать, но на своей свадьбе упал в обморок прямо перед алтарем, у всех на глазах. Любил бассет-хаундов. Главным праздником всегда считал День независимости и каждый год с семьей, а потом с уже взрослыми детьми и внуками устраивал большой пикник. Даже в старости они с женой загружали в машину одеяла и садовые стулья и выезжали в парк застолбить местечко ранним утром, когда серое небо только начинало розоветь и даже птицы еще не пели. В свой главный день и умер...

Ну, довольно время терять. На обед сегодня тунец, надо съесть, пока теплый. Еще пара мандаринов и апельсиновое печенье – можно с него и начать. Хотел взять четыре штуки, но пятое как-то само угодило в пакет. Люсиль в этот раз просто превзошла саму себя. Хорошо, что она больше не сердится. Правда, разговаривает все равно не так дружелюбно, но, по крайней мере, сменила гнев на милость.

Несколько дней назад Артур обрезал иргу и увидел, как соседка вышла на крыльцо за почтой.

– Привет! – окликнул он.

Люсиль без особого энтузиазма подняла руку, будто говоря: «Ну допустим, и дальше что?»

– Ты свободна сегодня вечером? Как насчет ужина? – спросил Артур, чувствуя странную нервозность – все-таки он очень давно не приглашал женщину на свидание.

– Что ты сказал? – переспросила та, как ему показалось, немного раздраженно.

Он повторил вопрос.

– Почему ты спрашиваешь?

Артур, подбоченившись, слегка наклонил голову.

– Тебя это удивляет?

– Да, с чего вдруг, если ты бежишь от меня, как от огня?

– Люсиль, я прошу прощения за тот случай.

– Что?

Вздохнув, он подошел ближе к ограждению соседской веранды.

– Я говорю, что прошу прощения за тот вечер. У меня... случилось легкое недомогание.

– Тогда зачем же ты приходил?

Он на секунду отвел глаза.

– Внезапно прихватило, понимаешь? Вот прямо вдруг. Пришлось поскорее идти домой.

Люсиль просветлела.

– Ох... Так и надо было сразу сказать.

– Ну вот я сейчас объясняю. И еще приглашаю тебя поужинать вместе.

– Где?

– Как насчет «Олив-гарден»? Там автобусная остановка прямо перед входом.

– У меня вообще-то машина есть, Артур.

– Ты ведь вроде не любишь ездить вечером.

Она заколебалась, рассеянно похлопывая конвертами по бедру.

– Ладно. Только я сама за себя заплачу!

– Что ж, пусть это послужит мне уроком.

В итоге, однако, все было за счет Артура – и автобус, и еда. Они окончательно помирились – и будто камень с души упал, даже удивительно.

В последнее время Люсиль где-то пропадает вечерами, на веранде во время прогулки почти никогда не застанешь. За ужином, однако, ничего не сказала, а Артур не стал допытываться, опасаясь получить отповедь. Вчера он видел, как соседка садится в автомобиль – здоровенный красный «кадиллак», ни больше ни меньше! Кто за рулем, видно не было. Возможно, у нее родные в городе? Ну, это ненадолго, сейчас она постоянно к ним ездит, а потом опять останется одна, сядет на веранде и окликнет Артура, когда тот будет проходить мимо. Он единственный всегда рядом.

Сгорбившись на стуле, он не сводит глаз с надгробия, потом встает и подходит ближе. Пальцы движутся по буквам на плите.

– Привет, Нола. Я пришел.

Артур замолкает. Будто наяву видит перед собой ее лицо, фигурку в одном из любимых фартучков... «Ты уже дома, так рано?» – обрадованно спрашивает Нола, повернувшись. В тот день Артур действительно вернулся с работы на пару часов раньше – приболел. Простуда, но довольно сильная. Жена тут же уложила его и пошла поставить на плиту куриный бульон. Пока тот варился, она вернулась, прилегла рядом на кровать, даже не сняв передник, и предложила поболтать о чем-нибудь или почитать мужу газету – он утром не успел. Потом потрогала ему лоб, встала и принесла аспирин. Да, царская была жизнь! И Артур тоже заботился о Ноле, когда та болела, – держал за руку, поглаживая, ставил у кровати фиалки в стакане, приносил газировку, крекеры и все, что нужно. И оставлял одну, когда просила, – обычно так и случалось, жена предпочитала в такое время обходиться без общества. Как она однажды сказала: «Бога ради, Артур, да дай ты мне поспать спокойно!» Он так и сделал, но, конечно, все равно то и дело заглядывал в дверь, следя, как мерно поднимается и опускается грудь спящей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.